

Дорота Масловская¹

Двое бедных румын, говорящих по-польски

Пьеса

Перевод с польского и послесловие Ирины Лаппо

Действующие лица:

Парха

- двое бедных румын, говорящих по-польски

Джина

Водитель

Женщина

Дед

Полицейский

Бармен(ша)

Гардеробщица Халина

Весек

Мартини росе, мартини бьянко, мартини кашель.

Мартини росе, сейченко, лос трабантос, буэнос-айрес.

Феличита, чинквоченто, сейченко, феллатио.

Мирей матье, кантаре, роми шнайдер, доброе утро.

Он воет, она ему: заткнись. Он: это наша народная румынская песня. Нельзя отрываться от своих корней, детка. Вон, тут еще царапины, они как вцепятся, я на газ, поцарапали мне всю машину. Самый дорогой лак, черный металл.

Этот странный случай имел место произойти в моей машине, следующей из Варшавы в Тчев...

¹ © by Dorota Masłowska
© Ирина Лаппо. Перевод, послесловие, 2008

И вели себя странно, знаете, как они представились... Мы из Румынии, хотите, флаг покажу. Да какой флаг? Какой флаг?

Я им так и сказал: при чем тут колбасные обрезки? Какие, на фиг, колбасные обрезки? Сажай свою подружку в машину, диктуй адрес, и я пришлю тебе колбасных обрезков. Воспользуйся своим единственным шансом, сделай бутерброд себе с подружкой. СВАЛИВАЙ.

Мы с женой остановились у бензоколонки, когда к нам подошли две очень подозрительные личности, в том числе одна из них, женщина, была беременна, прикидываясь говорящими по-польски лицами румынской национальности. Жена проходит курс химиотерапии, одну грудь ей уже отрезали, все время забываю, левую или правую, и...

Но его подружка - такая была подружка, что как вцепилась в дверь, так и не отпустила, даже когда я нажал на газ. А я сказал, о нет, со мной, блин, такие номера не пройдут.

Это отвратительно. Это исключено.

Я сказала нет, потому что не могу взять их в машину, поскольку машина зарегистрирована на фирму, а также из-за бросающейся в глаза клетчатой сумки, из-за которой я не могу их подвезти, на что они ответили...

И странно так смотрела. Выражение лица у нее было точь-в-точь как у заливной рыбы. Муж ответил, что, к сожалению, взять их с собой совершенно невозможно, но они были такие наглые. Когда мы отказали, они стали ужасно плакать и ругаться.

Я сказал: нет. Нет. Потому что нет.

Ну и эта его подружка бух на землю, аккуратно перед машиной, сама виновата. Вот тут разлеглась, ну, говорю: это уже слишком. Давай-ка, стерва, давай, я тебя отутюжу. И еду прямо на нее, вот так. А она бежать. Только пыль столбом. Вот до чего наркота людей доводит.

Заправившись, я пошел расплачиваться, а когда вернулся, мой сын, 10 лет, спросил, бывают ли румыны, говорящие по-польски. Я, конечно, ответил, что нет, потому что он у меня ребенок впечатлительный, да чего там говорить, слегка отстающий в развитии от ровесников, вот и придумывает себе разные небылицы.

Они были вроде бы довольно симпатичные, довольно симпатичные, но когда я увидела состояние их зубной полости, то, ооо, подвозить их я отказалась категорически. Нет, я не говорю, что это скандал или, скажем, недопустимо, но в наше время это вообще не проблема - купить себе даже самую дешевую зубную щетку, да в любом киоске даже есть, и два раза в день почистить зубы, как следует почистить, раз-два-три, и вся недолга. За гигиеной надо следить. Это удовольствие. Аминь.

ДЕЙСТВИЕ 1

Сцена 1

Зима, бензозаправка, сумерки, в машину Водителя садятся двое бедных румын.

ПАРХА. Жену зовут Джина.

ВОДИТЕЛЬ. А девушка эта тем временем, лет около 20, беременная, ничего не ответила, только сидела, но я с нее ответственности за вину в убийстве не снимаю. В каком убийстве? В моем, гражданин следовательно, убийстве, хоть это и выглядит нереально.

ПАРХА. Ты ее так и зови - Джина. Слышь, Джин, а фамилия у тебя какая?

ВОДИТЕЛЬ. На вопрос про фамилию она промолчала, ничего в ответ не ответив, но звали ее Джина, что, скорее всего, является сокращением от Регины, а это уже ниточка, которая легко доведет нас до них обоих, потому что имя редкое, чего я и требую, схватить убийц от имени всех налогоплательщиков, на которых они тоже могут напасть и убить.

ПАРХА. А фамилия у нее никакая. Просто Джина. Красивое имя для такой девушки, можно сказать, и имя, и имя-фамилия, и псевдоним в придачу. Джина девушка хорошая. И не украдет, и не заблюет ничего. Клянусь невинным младенцем, которого она носит под сердцем. Такая уж она, жизнь. Мы - бедные честные румыны, говорящие по-польски. Жена беременна, едет к врачу, во Вроцлав, там специалисты, потому что у нее эта сделалась... ну, эта... метастаза, киста, короче, в брюхе у нее бедлам. И так далее. Вот и давайте поедем туда все вместе, куда там вы едете?

ВОДИТЕЛЬ. Во Вроцлав! Гражданин следователь, а трасса-то на Гданьск!

ПАРХА. Во Вроцлав, но мы не настаиваем. В Гданьске оно, может, и лучше, тоже разные специалисты, море, йод, ракушки, корабли, пусть будет Гданьск, не станем ссориться из-за пустяков.

ВОДИТЕЛЬ. Я им отвечаю, что никуда не еду. Ну, только до Эльблонга. И сразу назад, спокойно отвечаю им всю правду, потому что человек я спокойный.

ПАРХА. Ну, значит, в Эльблонг, все равно куда, а там уж она сама как-нибудь справится. Она всегда сама справляется. Взяла и справилась. Мы румыны, ооо-ооо-ооо, мы народ упрямый. Она вам еще и споет, вот немножко придет в себя и споет, да, Джина? Ты справишься, любимая. Очень симпатичная девушка. Садись поудобнее, вот так, вот, красавица моя ненаглядная, так хорошо? О! Новая заколка для волос? Когда это ты себе купила, сейчас? Не верю. Знаешь, просто прелесть. Это цикорий, что ли, камушки эти?

ВОДИТЕЛЬ. Я толком даже не понял, как это все вышло, в один момент. Мужчина, с которым она была, лицо мне его было откуда-то знакомо, наверняка один из этих известных мафиози, Мясо, или тот, второй, которых по телевизору показывают, а я как раз обернулся, потому что он мне крикнул: осторожно! Румыны на горизонте! - или что-то в этом духе. И я туда посмотрел, а это, ясен перец, был прикол, он мне ее на переднее сиденье посадил, с какими-то манатками, пакетами, я говорю: чивооо??! А он: Джина. Это Джина.

Я почувствовал раздражение, что, согласитесь, гражданин следователь, по моему, вполне логично. Я говорю: слышь, ты, какая Джина, какая на фиг Джина, какое мне дело до твоей жены, какой-то Джины? Так прямо и спросил.

Да по мне пусть хоть рабыня Изаура зовут, забирай ее отсюда немедленно, я спешу, на работу еду, да что тут, етить твою наперекосяк, творится?!

ПАРХА. На самом деле в паспорте у нее написано Пиралгиния, но она всем говорит, чтоб ее звать Джиной. Пиралгиния, Аспириния и Кофеиния - это у нас такие традиционные румынские женские имена. Святая Пиралгиния, у нас в Румынии есть такая святая, защитница пьяных женщин, возвращающихся домой в потемках. Нехило? В жизни всякое бывает. Такие вот женщины, как она. Но она всем говорит, что она Джина, не знаю, что за странный каприз. Только вы ей не говорите Пиралгиния, говорите Джина, надо же понимать чувства великой, вполне возможно, артистки.

ВОДИТЕЛЬ. А мне какое дело! Вон отсюда, румыны вшивые, а то я сейчас вызову...

А в это время его беременная подруга, о которой я уже говорил, притворялась, будто не слышит, но у меня там висел освежитель воздуха типа елочка, так она стала ее теревить, скорее всего, незаметно планируя украсть.

А он говорит, чтобы я посмотрел, какая она красивая, а какое мне дело, красивая или некрасивая, я свое знаю, от нее несет пережаренным растительным маслом, какой-то тошнотворной вонью, да отвали ты, говнюк, вместе со своей брюхатой принцессой!

Я никуда не еду.

ПАРХА. А говорили, едете.

ВОДИТЕЛЬ. Да? Ошибся, извини.

Это я с иронией так сказал. Потому что меня эта наглая и совершенно вопреки моим планам ситуация уже начинала злить.

ПАРХА. Охренительная штукovina.

ВОДИТЕЛЬ. А говнючка цинично теревит мою елочку, чтоб отвлечь тему разговора.

ДЖИНА. Это покупное или вы сами сделали?

ВОДИТЕЛЬ. Как: сделал? Как: сам сделал? Из ковра вырезал?! Слушай, это продается на каждой заправке, вот здесь, идешь на станцию, и этого добра там до хрена!!! Вы что, с луны свалились?

ПАРХА. Вы только посмотрите, какая она красивая, ооо. Чертовка. Ну, зубы малость подкачали. Но это из-за тяжелой жизни, да, дорогая? Нам в Румынии не до шуток, всю жизнь, можно сказать, одними колбасными обрезками питались, а это для костной ткани - погибель. А еще этим... цирконием. Цикорием. А из сладостей мы больше всего любим «Силу четырех трав», такие леденцы от изжоги.

ВОДИТЕЛЬ. И начинает нести какую-то пургу, как они там в этой Румынии, как они какую-то лебеду ели, осот, сорняки и камни, ну, допустим, но, ГРАЖДАНИН СЛЕДОВАТЕЛЬ, а нам после войны что, лучше было, голод, разруха. И ВООБЩЕ, БЛИН, КАКОЕ МНЕ ДО ВСЕГО ДО ЭТОГО ДЕЛО! Хватит! Хватит говорить! Я вас все равно не слушаю! Не слушаю я! Не слушаю. *(Драматическим жестом затыкает уши.)*

ДЖИНА. Или ванильный сахар в пакетиках. К примеру. Аскорбинку очень-очень редко, очень, только когда мама что-нибудь в ломбард снесет, фамильный хрусталь, к примеру, его у нас завалилось было, потому что мама по всей Румынии полы мыла и ее везде хорошо знали.

ПАРХА. Я, впрочем, не скрываю, два сапога пара, как гласит известная румынская поговорка, сам я тоже по части зубов не очень. Нет, вы не подумайте, зубы у меня в норме, но не без пробелов, вот.

ВОДИТЕЛЬ. И разевает свою пасть, а там коричневые огрызки, прямо как окурки, меня чуть не стошнило, как можно с такими зубами еще... того... размножаться... А девка эта все мою елочку теревит, ну разве можно так себя вести? А элементарная культура где?

ДЖИНА. Боже мой, как бы мне хотелось такую же...

ВОДИТЕЛЬ. А он:

ПАРХА. Ой, ну и возьми себе, у вас же две? Бери, бери, вам ведь не жалко, правда?

ВОДИТЕЛЬ. Нет, вы понимаете? Он ей говорит, бери, бери. Мою собственность! Мою собственную вещь. Чужие люди, я их вижу первый раз в жизни.

ДЖИНА (*пытается повесить елочку себе на шею*). Ох, и куда же мне это повесить?

ПАРХА. Понимаете: она у меня упрямая - жуть. Вот упрется, и все, потому что упрямая. Вы уж ей подарите, сделайте это РАДИ МЕНЯ. У нас в Румынии нету таких елочек, вообще нет таких деревьев, как елочки, только всякие другие. Дубы, клумбы.

ВОДИТЕЛЬ. Клумбы! Вы когда-нибудь слышали о таких деревьях, а? Потому что я - нет! Немедленно освободить территорию машины. И оставить меня в покое. Иначе я вызову соответствующие меры. Девка тоже. Забирай свой живот и вали отсюда, это моя машина, я спешу. И попробовал вытащить ее из машины, да вылазь же ты, сука брюхатая!!! А тут она вдруг как бы проснулась:

ДЖИНА. Что это ты себе позволяешь?!!

ВОДИТЕЛЬ. Схватила в руку сумочку и вот сюда меня ударила, вот прямо сюда, в шейные позвонки позвоночника...

ДЖИНА. Ты, нехороший человек, зачем руки распускать!

ВОДИТЕЛЬ. Где у меня как раз рядом чирь выскочил, что могло привести к необратимым для жизни и смерти последствиям. Я начал кричать: люди! Люди! Помогите! Чтобы позвать на помощь, но они пресекли мои попытки спасения, терроризировали меня, а потом хотели убить.

ПАРХА. Слышь, мужик, ты чего? Белены объелся? Беременную женщину бить будешь, сам во какой здоровенный, не видишь, что она ниже тебя, комплекции хрупкой, у нее же с тобой шансов ноль? Джинуля, ты не волнуйся, сядь поудобнее, сапожки себе расстегни, вот так, мое ты солнышко, знаешь, у тебя козлик из носика торчит. Представляете, Джина все время ходит с козюльками в носу. Грязнуля ужасная. Но ужасно милая. Дай-ка я вытащу.

ДЖИНА. Не-е-ет, я сама! Сама!

ПАРХА. Нет, дай я. ДАЙ Я ЕЕ ВЫТАЩУ. Вот и все, видишь?

ВОДИТЕЛЬ. И взял и показывает мне эту ее козюльку, эту отвратительную соплю. А я, понимаете, я очень впечатлителен к таким вещам, я, мне сразу вспомнилось детство, школа и разные такие проказы, когда другие ребята слюной... воск из ушей, это, или перднут и подожгут... Я НЕ ЕДУ! Я НИКУДА НЕ ЕДУ! Я просто сижу в машине! Сижу! И смотрю! Потому что люблю зиму!

ПАРХА. Твое право, да ради бога, сиди, только я сейчас тебя буду вот этим убивать...

Парха показывает перочинный ножик.

ВОДИТЕЛЬ. Именно тогда и произошла первая угроза моего убийства.

ПАРХА. Буду тебя убивать, хотя мне совсем не хочется, и я совсем не умею, технической подготовки никакой, поэтому может быть гораздо больше, чем как обычно, когда что-то болит. А потом ты отправляешься прямиком в ад, а я тебе - напутственное слово. И сидишь ты в этом аду, яйца у тебя скворчат, ситуация не фонтан, а ты думаешь: зря я так, ой, зря, все равно ведь ехал в этот Эльблонг, а теперь в полной жопе. Плюс невинный человек из-за тебя за решеткой, то есть я...

ДЖИНА. А такой был бесстрашный, как гимнаст с лонжей. А стоило показать ему ножик для чистки картошки, сразу обосрался.

ПАРХА. Кроме того, ты же не знаешь, что я делал этим ножиком раньше. Может, я им стенки аквариума скреб. А может, говно собачье ломтиками нарезал, а? Или, может, он тупой. Потому что вдруг это мой нож, и я им конверты открываю. С письмами. От родственников из Румынии, а письма они пишут на бересте мочой и калом. И краской для пасхальных яиц. Мои маленькие двоюродные братики и сестрички умоляют прислать им фантики, Ласло хочет от «Сникерса», а Рухла - от «Марса», а Ракочи - от «Твикса», а вот что касается Чинчинатты, то ей подавай такой картонный подносик из-под картошки фри, ну, ты знаешь какой. А как ты думаешь, я им посылаю? Посылаю. Потому что для них это действительно очень важно, да, очень важно.

С ножом в руке открывает заднюю дверь, садится в машину.

Садись, говорю тебе, садись, давай, не пизди, садись, садись, садись. Мы, румыны, народ терпеливый, но любой румын рано или поздно скажет тебе: хватит. Поехали.

Сцена 2

Едут.

Джина и Парха достают самые дешевые сигареты и начинают в страшной спешке курить, давась и кашляя, по две сигареты сразу.

ПАРХА. Ну, харэ. Хорошо, что я тебя все-таки не убил. А еще чуть-чуть бы, и всё, Господи, вот завтра бы отходняк был. Типа классно погуляли, все супер-пупер, а я ни с того ни с сего какого-то незнакомого чувака замочил!

Отвратительное чувство. Быстрее, быстрее давай. Надо уважать чужое время, и взаимно. Только не нервничай так. А то вспотеешь, и тебя продует, вот здесь.

Заботливо массирует спину Водителя.

ПАРХА. «Сейченко». Классная тачка. Скажи, Джина?

ДЖИНА. Летит как стрела, да? Такую машину ничто не остановит.

ПАРХА. Или «дэу чикко». Вот это я понимаю, зверь. Знаете, когда мы в Румынии скажем, что ехали на такой машине, то ого-го. Родственники наш шалаш подожгут от зависти. «Сейченко». Это не машина, это религия. Народ вон на каких драндулетах трясется. О, вон того, блин, обгоняй, я торчу! Болтаешься на дороге как говно в проруби, у тебя тачка с такими возможностями, а ты тянешься за ним как дерьмо собачье. Джинуля ща блеванет...

ДЖИНА. Но-но. Я еще не такая пьяная.

ВОДИТЕЛЬ (*похоже, у него сейчас начнется истерика*). Со стороны напавших на меня румын я подвергался постоянным унижениям, они подгоняли меня и заставляли ехать все быстрее вопреки безопасности и правилам движения. Я за рулем с пятнадцати лет. Есть у меня одна привычка: когда на встречной появляется машина, я читаю регистрационные номера, ничего не могу с собой сделать. То же самое знаки: «Гданьск 153 км» и т. п., «Илава» и т. п. Я складываю все цифры, а сумму делю на их количество. С тихой надеждой, что выйдет поровну. Когда поровну, радуюсь. Для меня это доказательство, что где-то там существует вроде как симметрия и порядок самых элементарных мировых структур. Хуже всего, когда поровну не делится.

ПАРХА. Я ботинки сниму, окейос? Перке? Пуэрторикос? Мартини сейченко феллатио?

ВОДИТЕЛЬ. Я молчу. Не отвечаю. Самое главное - не дать убийце себя спровоцировать.

ПАРХА. То, что я сказал, по-нашему, по-румынски, значит «мерси вам большое». Давненько я свои вонючки не снимал, оооох. Сейчас как шибанет. Но мы же свои люди, так сказать, в интимном кругу, да?

Зевает, укладывается спать.

ВОДИТЕЛЬ. Я про себя только все время повторял: ничего. Ничего. Ничего-ничего-ничего. Ничего страшного не происходит, может, даже вообще ничего не происходит, может, это даже сон, просто я еще об этом не знаю и только зря переживаю... Но этот сон мне вовсе не снился. А он уже почти заснул, уже почти засыпал, и я надеялся... я подумал...

ПАРХА. Фу, как воняет, Джина, это ты пукнула?

ДЖИНА. Я не пердела, тут уже воняло, когда мы сели.

ПАРХА. То-то и оно. Ну и вонизм. Но это не я.

ДЖИНА. То-то и оно, но факт, что и не я.

ПАРХА. Кто-то навонял, это факт. Но факт, что не я.

ДЖИНА. И факт, что я тоже нет. Если не ты и не я, то уж не знаю, кто. Может, кто-то пукнул?

ПАРХА. Ах, поросенок. И ведь сидит себе тихо, как мышка, это ж надо.

ВОДИТЕЛЬ (*у него начинается истерика*). Чего??? ЭТО НЕ Я!

ДЖИНА. А типа кто?

ПАРХА. ТЫ! ВЫ! Больше некому!

ДЖИНА. Вонючка!

Водитель лихорадочно хватается сотовый, пытается позвонить.

ПАРХА. Ну-ну, и что же ты собираешься делать с этим телефоном, а? Куда это тебе так приспичило звонить, признавайся-ка, не в полицию, надеюсь? Вот, оказывается, что ты за фрукт! Дай-ка сюда телефон, давай, говорю.

Пауза.

Ты за рулем, это же безумно опасно. Я наберу тебе номер, ты диктуй, а я наберу. Ой, голубчики, приезжайте, ради всего святого, быстрее! Женщина беременная! Озябшая! Беспомощная! Сидит в моей машине! Едет со мной, я ее везу! Не знаю, что я делаю! Ой, помогите! Спасите!

ЛЮДИ! Козлы злобные и недоброжелательные. Разве так можно?

Ложится с телефоном и засыпает.

ВОДИТЕЛЬ. Ну, и тогда он наконец заснул. Я знал, что это мой единственный шанс - заговорить с этой женщиной, она ведь женщина, и поэтому в ней проступали какие-то человеческие черты, женщины ведь не могут быть совсем, изначально злыми, как мужчины, я считаю, что они - основа всего сущего, потому что им надо и ребеночка родить, и не алкоголички они, что и питало во мне надежду, вот я ее и спрашиваю: ты говорить вообще умеешь?

ДЖИНА. Знаешь, я даже училась. Да как-то ничего не вышло. Ну, не мое это.

ПАРХА (*сквозь сон*). Мы всего-навсего бедные честные румыны, говорящие по-польски... Мы приплыли сюда на углерудовозе «Ибупрон»... У нас нет таких елочек. Только другие деревья.

ВОДИТЕЛЬ. Это твой парень, этот?

ДЖИНА. Кто? Этот? Нет. Брат. Двоюродный. То есть что-то типа вроде любовника.

ВОДИТЕЛЬ. Храпит этот твой румын слегка, да?

ПАРХА (*сквозь сон*). Это из-за носовой перегородки.

ДЖИНА. Это из-за перегородки, ему нос сломали в тюрьме. Теперь у него из-за этого страшный комплекс. Ты лучше не говори про его нос вслух, а то он озверевает

и нас обоих как бешеных собак прирежет за то, что мы против него тут сговариваемся и обжимаемся.

ПАРХА (*сквозь сон*). Нет, нет, нет, нет, моментик, моментик, что тут происходит?

Пауза.

ВОДИТЕЛЬ (*вытирая лицо носовым платком*). Это от него ребенок?

ДЖИНА. От кого?

ВОДИТЕЛЬ. Ну, ребенок этот.

ДЖИНА. Ребенок мой, при чем тут он?..

ВОДИТЕЛЬ. Ну, забеременела ты от него?

ДЖИНА. Яяя? Аааа эээто... Нееее, нет, еще чего!

ВОДИТЕЛЬ. Не от него?

ДЖИНА. Нет, мы с ним только вчера познакомились, кажется... Да какая разница? Мать моя тоже все время спрашивает, а я ей говорю: это ребенок, просто ребенок, и отвали, ясно? Это мой сын. А то, что он у меня родился, - это, понимаешь, просто так получилось. Мой это ребенок. И ты тут совершенно ни при чем. А она: вот и займись им, а то ты только куришь, пьешь, спишь с кем попало, а потом просыпаешься в 17.30 и удивляешься, что плохо себя чувствуешь. Делом надо заниматься, возьми пылесос и... А я... ладно, не важно. Вот именно. Хорошо, что ты мне напомнил.

Вынимает банку с клеем, делает вид, что нюхает.

ДЖИНА. Я полностью зависима от этого говна. Честно говоря, мне уже самой не нравится.

ВОДИТЕЛЬ. И это чудовище, эта страшная женщина, я ее даже женщиной называть не хочу, достает из своих сеток, из этого своего хлама банку бутапрена! И смотрится в крышку! Как в зеркальце!

ПАРХА (сквозь сон). Джина у нас артистическая натура.

ВОДИТЕЛЬ. А это, эт-то не вре-вредно ребеночку?

ДЖИНА. Ну ты чё... Ситуация под контролем. Между прочим, врачи сказали, что мой ребенок уже привык, и, если я брошу, для него это будет стресс еще похуже, чем небольшой кайф по большим праздникам, короче, он там может просто офигеть, лучше малость долбануться, чем у меня будет плохое настроение, а ребенок - в истерике. В небольших количествах это вроде даже полезно, ты б попробовал, ты бы тоже расслабился чуток, а то сидишь тут... О, классно танки едут, война будет.

ВОДИТЕЛЬ. Не-е-ет! Никогда!

Крикнул я.

Вонь была ужасная, у меня закружилась голова.

ДЖИНА. Знаешь что?

Хуже всего, бля, что мир хочет превратить человека в тряпку, которая встанет по стойке «смирно» и на все вопросы будет отвечать «так точно», в прохожего, послушно переходящего через улицу. В пассажира, бля, трамвая, висящего на подножке с вот таким лицом, о! Гладким и ровным, как жопа, чтоб глазу не за что было зацепиться. Вообще без лица. В такого, как ты. В человека-сардельку.

Я не хочу быть такой. (В ужасе.) Эй, тебя как зовут, оглянись! Оглянись! И скажи мне одну вещь.

ВОДИТЕЛЬ. Что? Что случилось?

ДЖИНА. Скажи мне что-нибудь, но так, чтобы она не видела, понял? Нет! Нет, не надо, не оглядывайся! Там моя мать... это она сидит сзади? Только ответь, а то я не хочу оглядываться. Брюнетка, пожилая.

ВОДИТЕЛЬ. Не-е-ет! Это твой парень, тот, что с тобой! Брат твой! Двоюродный.

ДЖИНА. Эта сучка за мной следит. Понимаешь, я вчера просрала все алименты, и она теперь точно хочет меня убить, я бы не удивилась, если б она влезла сюда за нами, я должна все время быть начеку, ни на секунду нельзя оглянуться, а то она появляется и говорит мне: иди работать, убери за собой, это твой сын.

ВОДИТЕЛЬ. Но кто? Он?! *(Показывает на Парху.)*

ДЖИНА. Мой сын? Тебе чё? Совсем отбило? Мне плохо. Кажется, я рожая. Звони доктору Хаусу.

ВОДИТЕЛЬ *(чуть не плача)*. Как? Твой братец забрал у меня телефон!

ДЖИНА. Спокойствие, только спокойствие, раз такое дело, я могу и потерпеть. Хи-хи. Ну ты и пересрал, я торчу.

Едут.

ВОДИТЕЛЬ. Это не шутки, ты что. Жена, когда рожала, были разные осложнения, анальное отверстие в клочки... Мочевой пузырь поврежден, бедная натерпе...

ПАРХА *(уже проснулся)*. У нее нету анального отверстия.

ВОДИТЕЛЬ. Конечно, конечно... я ничего такого не имел в виду...

ПАРХА. У Джины нет анального отверстия, она не из таких.

ДЖИНА. Заткнул зяпу, хорошо? Ты спал, вот и спи, и не вмешивайся в культурный разговор.

ПАРХА. Сама заткнись, ты, и не тебе мне указывать, если он тебя оскорбляет...

ДЖИНА. Хрен моржовый. Блядь. Говно.

ПАРХА. Сама говно. Какашка. Писька. Пиписька.

ВОДИТЕЛЬ (*на грани нервного срыва*). Перестаньте... РАДИ БОГА... Люди... Зачем же друг друга так оскорблять, обзывать?! Скандалить! стыда у вас нет! Женщина называется, ты ведь беременна, нюхаешь бутапрен, материшься, воняешь в машине, а ребенок-то все слышит и видит! Он в животе у матери все запоминает! А потом при гостях тебе как выдаст! Первое слово он такое скажет! Ради Бога...

ПАРХА. Слыхала, шлюха? Вы уж ее простите, успокойтесь, это ж глупая румынка, темная, необразованная женщина, всю жизнь проработала на фабрике обезьян и собак, вести себя на людях не умеет. Гляди, что ты натворила! Человека чуть удар не хватил, когда услышал, как ты выражаешься.

ДЖИНА. Сам не лучше!

ПАРХА. Нет, я как раз ска...

ДЖИНА. Нет, нет, нет. Нет, и еще раз нет.

ПАРХА. Да! А вот и да!

ВОДИТЕЛЬ (*разразившись рыданиями, останавливает машину*). Стоп! Умоляю... Совесть у вас... Я не еду! Не еду! Не хочу, забирайте... Машина ваша... Я вам ее отдаю! Я выхожу... Пойду пешком... Хочется пройтись, тут такой лес, есть там одно местечко - в самый раз для меня, найду себе какой-нибудь старый корень, построю в нем дом... Сам выстругаю тарелки, ложки, вешалки, эти... музыкальные инструменты...

ПАРХА. Нет-нет-нет, дорогой, это исключено, перестань рыдать, успокойся, быстро успокоился, у нас тоже сроки, мы тоже спешим успеть вовремя.

ДЖИНА. Нет, наоборот, дай ему выплакаться, пусть человек поплачет, выплачется.

ПАРХА. Нет уж, и нечего его защищать.

ДЖИНА. Поплачь, поплачь себе, это тебя очистит. У меня, например, когда было, ну, как его, воспаление мочевого пузыря, знаете, что это такое, я места себе не находила, все время хотелось писать. Бегу, лечу! По ногам течет! Спринт, общерумынские соревнования по бегу женщин с циститом! Откидываю щеколду! Уже вся описалась! Сажусь на трон и торжествующе выпускаю три горячие капельки, а ощущение такое, будто меня кто-то вяжет на спицах. Ну, понимаете. Шьет мой труп на швейной машинке. Что-то типа оргазма. Только еще хуже.

ВОДИТЕЛЬ (*не переставая плакать*). Гражданин следователь, то, что я жив, исключительно моя заслуга, моей железной выдержки и самообладания, которые не позволили им меня спровоцировать, потому что фактически все это время я не реагировал на попытки лишить меня здравого смысла, теперь у меня уже не осталось на этот счет никаких сомнений... И тут я увидел машину дорожной полиции, которая стояла на обочине, какое-то время я даже боялся, что это мираж, что эти... которым на руку, чтобы я свихнулся и сошел с ума, что это они полицейских подставили, сговорились против меня, чтобы те там стояли и меня спровоцировали, науськали, чтоб потом с меня посмеяться, поязвить...

ПАРХА. Твою мать, суки, видишь, до чего ты, бля, довел?? Нет, старик, это не по-товарищески, это ж просто кошмар какой-то - то, что ты сейчас делаешь.

ВОДИТЕЛЬ. И тогда, сам не знаю как, это были доли секунды, хотя бандиты меня запугивали и пытались свалить все на меня, вызвать чувство вины и ответственности за появление этого патруля и склонить к дальнейшему продолжению движения, мне удалось съехать на обочину, съехать как раз по направлению к этому патрулю...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что вы вытворяете? Почему остановились?

ВОДИТЕЛЬ. Я превысил скорость, сержант, господин генерал, арестуйте меня, я... я там... вам не видно, там... там такая горочка, а я с нее на полном газу, превысил скорость, сбил кого-то, вам отсюда не видно, но я во всем признаюсь, даже больше того, я хочу, чтоб меня немедленно арестовали и добровольно наказали по всей строгости закона, арестуйте меня, это моя единственная просьба, подробности расскажу потом...

ПАРХА. Папаааа... Папа, вернитесь в машину, папа...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Чё такое? О чем речь? Что-то случилось?

ПАРХА. Все в полнейшем порядке. Мы бедные честные румыны, говорящие по-польски, у папы Альцгеймер, у нас в Румынии это просто эпидемия, даже ехать с ним страшно. С тех пор как вышел из концлагеря, просто другой человек, все время вспоминает плохие, страшные сны, окопы...

ВОДИТЕЛЬ. Я не записал номеров этих двух полицейских, но, думаю, их нетрудно вычислить. Один невысокий такой, второй повыше и блондин. Я считаю, что их должны отстранить от служебных обязанностей за отказ прийти на помощь похищенному лицу, вплоть до оказания сотрудничества бандитам и убийцам, уверовав в их подлую ложь, якобы я был в окопах и потерял свою личность.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Пархе*). Да, но угрожает ли это безопасности дорожного движения? Вот в чем проблема.

ПАРХА. О, господин генерал, я именно это и имел в виду. Мы в Эльблонг правильно едем, в смысле, в нужную сторону? А то папа что-то совсем запутался, мы с сестрой в этих краях совершенно не ориентируемся, а очень спешим на паром, который как раз направляется в Румынию, точнее это углерудовоз такой, паром «Ибупром», может, слышали?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В Эльблонге ж нет моря.

ПАРХА. Ну конечно. Он ведь по озеру плавает. По Эльблонгскому озеру.

ВОДИТЕЛЬ. Углерудовоз «Ибупром». Прозвучало такое название. Его тоже проверьте, может, они все еще на борту.

Сцена 3

Едут дальше. Водитель ведет машину, истерически всхлипывая и судорожно сжимая руль.

ПАРХА. ПРЕКРАТИ ВЫТЬ!

ДЖИНА. Оставь его в покое...

ПАРХА. Если он не прекратит, я сам щас завою.

ДЖИНА. Отстань от него, пусть выплачется, это помогает.

ПАРХА. Нет, Джинуля, я в таких условиях сейчас не выдержу, это выше моей выдержки, когда кто-то закатывает такую истерику.

ВОДИТЕЛЬ. Бледное, как вытертый медяк, зимнее солнце давно закатилось за горизонт. Ветер гонял по шоссе трупки раздавленных собак и животных. В дешевых придорожных барах на ветру развевались прошлогодние рекламы мороженого, поблекшие от плотоядных детских взглядов. Я видел тьму. Я прикоснулся к ней.

ПАРХА. Слышь, мужик. Мы тебе очень благодарны за то, что предложил нас подвезти, мы давно не встречались с такой доброжелательностью со стороны чужого в сумме человека, которого ничто, в общем, не заставляло вот так, от чистого сердца, взять и помочь нам в тяжелый для нас момент, а он, однако, захотел и помог, а человеческая сердечность и доброжелательность так много для нас значат...

Начинает копаться в пакетах.

Мы уже будем собираться. Отсюда до парома рукой подать. Твое предложение подвезти нас, то, что ты сам, без всякого принуждения, по доброте души так страшно нам помог... Благодаря тебе мы, может, уже скоро опять будем на родине. Румын не бросает слов на ветер, такой у нас девиз. Поэтому мы хотели бы отблагодарить тебя за твою доброту и сердечность.

Водитель с недоверием смотрит на Парху, который вынимает из пакета пачки денег и еще разные вещи.

Я - Волшебник Изумрудного Города. Я приехал сюда из сказки инкогнито, чтобы проверить, хорошо ли ведут себя люди и совершают ли хорошие поступки. Получи в награду пять тысяч вот в этих кучках. Раз, два, четыре, пять. И мой плеер мп3 в придачу. Плюс три евра. И солнечные очки, хотя нет, они мне завтра еще пригодятся. Ты знаешь, как этим пользоваться. Вот тут переключатель около наушников. Качаешь из Интернета разную музыку. Сливаешь все сюда, тут пятьсот тысяч песен помещается. Там, впрочем, пару дисков я закачал, но не уверен, что тебе понравятся. Надо бы подумать об этом раньше, если б знал, я бы скачал тебе этих, ну, знаешь, этих, Мечислава Фогга, Марылю Родович, юмора всякого, сатира там, эстрада.

Ну, так мы пошли. Давай, Джина, одевайся. Это настоящие деньги, не на принтере отпечатанные. Купишь себе на них чего-нибудь клевое. Термомикс. Рекомендуем. У нас с Джиной в Румынии есть такой, стоящее дело. Сам печет хлеб. Джина идет утром в поле, собирает зерновые. Потом мы замешиваем это в термомиксе, и хлебушек готов. Свеженький, никаких тебе пищевых добавок вроде Е 1939 и Е 1968, вот это, я понимаю, УДОВОЛЬСТВИЕ.

ДЖИНА. Эй, ты что, спятил? Я устала, как загнанная кляча, это ж какие-то дебри, какие-то ежевичные заросли.

ПАРХА. ПОШЛИ.

Они уходят.

ВОДИТЕЛЬ. И вот под конец, гражданин следователь, и произошло, собственно, самое страшное. Он приставил мне к горлу нож и потребовал деньги и

ключи, а она целилась в меня из вынутого из сумочки пистолета, скорее всего предварительно сняв с предохранителя. Они хотели убить меня и обокрасть. Требовали драгоценности, разную бижутерию, бытовую технику, а конкретнее, домогались термомикса, каковым я не располагал и не располагаю, имелся он только у моей тещи, с которой я не поддерживаю контактов, уж не знаю, как они об этом узнали. Откуда? Мне кажется, они, должно быть, заранее за мной следили, на протяжении многих лет, у меня давно уже появились кое-какие подозрения, что за мной наблюдают. После чего они скрылись в лесу без единого слова, даже не поблагодарив, не оставив мне в знак благодарности никаких денег, ни ломаного гроша. И я хочу, чтобы в протокол занесли, что, если их задержат, на что я надеюсь, я смогу еще раз посмотреть им в глаза. Но простить не смогу. Не смогу. Не захочу. Нет, никогда. Вы записали? Не смогу. Вот и хорошо.

ДЕЙСТВИЕ 2

Сцена 1

Вечер. Джина и Парха идут по шоссе в состоянии психофизиологического транса и плачут.

ПАРХА. Пожалуйста. Пожалуйста. Ну, пожалуйста. Не цепляйся за меня, когда идешь, меня от этого колбасит. За что? За что?

Как это - я дал ему пять тысяч и плеер mp3?! Как - дал? Да еще кому? Этому чокнутому водиле? Нет, ты так не шути. Отдал? Задарма? Да ведь он ненормальный, он же псих! И ты мне ничего не сказала, не спросила, зачем я это делаю. Я сказал, что я - Волшебник Изумрудного Города? Какой волшебник? Может, это ты ему сказала? Ну не я же!

Точно, помню, я чувствовал себя волшебником, но это же не повод ни с того ни с сего сразу что-то ему давать. И ты мне позволила, ничего не сказала и позволила, чтобы я ему вот так вот их отдал?! Пять тысяч??? Ты что, дура??? Думаешь, мне их что, Дед Мороз под елочку положил? Да я их кровавым потом зарабатывал. И сам это отдал? Может, продал? Может, я ему их продал? Нет, бред какой-то. Бред. Бред.

Где этот пакет? Сорри, Джина. И что это вообще за имя, ничего лучше ты не могла придумать? Вы что, индейцы? Перуанцы? Регина? А фамилия у тебя Сальве? (*Поет.*) *Salve, Regina...*² Сорри, ха-ха. Вот за что себя люблю, так это за то, что в даже в полной, бля, жизненной просрации, на дне дна, чувство юмора из меня все равно бьет фонтаном.

Нет, нет, нет. Давай успокоимся и поговорим серьезно, все это ненужные эмоции, просто надо кое-что выяснить. Значит, так, была тусовка, факт, мы нехило закинулись. Насколько я понимаю, именно там мы и познакомились. Нет, наркотики все-таки вредная штука, отвал башки. Ничего не помню, можно мне втюхать что угодно. Но откуда у меня вообще взялись пять тысяч? Снял со счета??? Ага.

Это исключено, невозможно. Если бы я их снимал, то помнил бы. И отдал ему? Всё? И ты мне позволила это сделать? И даже десятки не осталось?! Поищи-ка в пакете, наверняка они там, я должен выпить кофе, привести себя в порядок, принять душ. Дай мне какое-нибудь зеркальце, что ли, у меня завтра в восемь съемки. А этот плеер mp3, с ним что? Его я тоже отдал? Исключено. У меня там было всё. Все любимые песни. А телефон у меня где? Как это - у тебя нет? Посмотри там, в сетке. Должен быть. И документы. Как - нету?! Как - нету?! Давай сюда. Должны быть.

А может, это ты спиздила, а? Нет, ну, не обижайся, я просто так спросил, я же тебя не знаю, вижу первый раз в жизни, я теперь никому уже не доверяю. Мне завтра к восьми на работу, съемки у меня в восемь утра, понимаешь? Ты понимаешь, что это значит? В восемь у меня съемки, и если я, бля, там не появлюсь, это, бля, кончится плачевно. Катастрофой. Не могу поверить. Ты-то вообще работаешь где-нибудь? Ты понимаешь, что это значит?

ДЖИНА. Нет.

ПАРХА. Тогда откуда взяла деньги на это классное развлечение, а? Может, тоже я тебе дал?

ДЖИНА. Не знаю, я в банкомате взяла.

ПАРХА. А они туда с неба спустились и тебя ждали?

² «Славься, царица» (*лат.*) - церковный гимн.

ДЖИНА. Не-е-ет, наверно, это были алименты.

ПАРХА. Какие еще алименты?

ДЖИНА. Ну, пошла я в банкомат, думала, там нет ничего, честное слово. А там пятьсот злотых. Ну, наверно, алименты, я так думаю. Короче, купила себе кебаб и еще кое-что, а потом эта тусовка...

ПАРХА. Эй, погоди, что за алименты? На ребенка?

ДЖИНА. Ну, на ребенка.

ПАРХА. А что ты сделала с ребенком?

ДЖИНА. С каким ребенком?

ПАРХА. Откуда я знаю, с каким, ну, с этим, со своим, ты же говорила, у тебя есть ребенок, насколько я помню.

ДЖИНА. А, да, точно...

ПАРХА. Точно! Точно! У тебя есть ребенок.

ДЖИНА. Я его где-то оставила. Подожди. А, так я же его в садик отвела, наверно... нет?

ПАРХА. Когда это?

ДЖИНА. Ну, не знаю. С утра.

ПАРХА. Как это с утра? С какого утра?

ДЖИНА. А, да, действительно.

ПАРХА. Вот именно.

ДЖИНА. Позавчера, наверно. То есть нет, наверно, вчера, это было вчера, да? Не сегодня же.

ПАРХА. Ну и что? Он там что, остался? Ха-ха.

ДЖИНА. Слушай, у тебя попить чего-нибудь есть?

ПАРХА. Только не нервничай, перестань себя накручивать. Я просто так спрашиваю, меня это вообще не колышет, слышишь, я тебя первый раз в жизни вижу.

ДЖИНА. Не знаю, откуда мне вообще знать. Может, моя мать забрала. Она его иногда забирает, когда я не могу.

ПАРХА. Тогда ой.

ДЖИНА. Не задавай мне таких вопросов, на которые я теперь все равно не могу ничего поделаться.

ПАРХА. Вот тут ты права.

ДЖИНА. Главное, чтоб он не скучал. Включаешь ему мультики, и он играет уже сам, сам проводит время.

ПАРХА (*начинает орать*). Вот именно! Вот именно! Сам проводит время! А пять тысяч коту под хвост! И это факт! Всё, бля, всё! Завязываю с тусовками, с наркотиками, с охренительными маскарадами, которые заканчиваются так, что я, бля, какому-то засраному деду-неврастенику дарю пять тысяч. И просыпаюсь одетый в кардиган из секонд-хэнда, который сняли с трупа в семьдесят втором, офигеть как весело, восемь часов подряд притворяюсь говорящим по-польски румыном и рассказываю про вредные последствия питания колбасными обрезками, но вдруг оказывается, что я - говорящий по-польски поляк, обыкновенный долбаный поляк, которого ломает, который проснулся с бодунища среди чиста поля на каких-то пастбищах, в ежевичных зарослях, в каком-то Мухосранске на границе с

Казахстаном, в казахском, провонявшем молью кардигане, с зубами, которые я так расписал фломастером, что и не смоешь теперь. И, бля, у меня завтра в восемь съемки, потому что, бля, так получилось, что в любимом и популярном в народе сериале я играю ксендза Гжегожа. Ксендз Гжегож. Как всегда в прекрасной форме.

Пауза.

Наркотики эти все-таки ужасно вредная штука. Мы... хочу тебя спросить об одной вещи, это для меня очень важно. Может, конечно, прозвучать глупо, ты уж прости. Скажи, я... ну это... то есть... может, мы с тобой сексом занимались? Я только так спрашиваю.

Сцена 2

Бар «Цимес», Барменша и Гардеробщица Халина смотрят телевизор. С улицы доносятся приближающиеся вопли, отголоски схватки. Входят взмокшие, явно не в себе Джина и Парха, оба на грани безумия.

БАРМЕНША. Мы себе смотрим, вдруг слышу, крики какие-то, мочилово, я тогда говорю, что там такое, мандавошки от придорожных шлюх сбежали и орут благим матом? И пошла поглядеть. А тут как раз открывается дверь и в полном составе входит команда из двух психов, не знаю уж, пьяные или обкуренные, или из дурки удрали, с какими-то сетками, пакетами, вваливаются сюда, ну, а графиня эта так еще и с пузом поперек себя шире. И входят сюда, вот так вот.

Вам чего?

ДЖИНА. Кипятку и побольше. Я рожаю. А эта пусть простыни рвет.

БАРМЕНША. И показывает мне на Халинку. Эта! И сумочкой типа обмахивается. Я говорю: такого блюда - кипяток - у нас нет. Кофе, чай - пожалуйста, есть еще свекольник, картошка фри. Овсяное печенье. Вон все написано.

ДЖИНА. Тогда печенье.

ПАРХА. Нет-нет-нет, она пошутила! Все не так. Все не так, как я планировал. Это исключено. Извините... можно тебя на минутку?

Смотри туда. Держи это. Отвернись, и смотри туда, и держи крепко, и чтоб ни звука, я сам все скажу, а ты стой тут, и смотри туда, и не двигайся.

Вы уж нас извините, пожалуйста, за ее неуравновешенное поведение. Моя знакомая немного того, понимаете, ломка и все такое, она и не беременна вовсе, так, подушку себе туда засунула, вот, ха-ха-ха. А ну, кончай лыбиться, это уже давно не смешно. Психопатка, наркоманка чертова. Колеса эти все же сносят крышу, вы уж ее извините.

Не обращайтесь, пожалуйста, внимания, просто кое-что произошло, и я немного не в себе. Извините, не подскажите, что это за город такой красивый, где мы находимся?

БАРМЕНША. Что за город и где они находятся! Он меня спрашивает! Оструда.

ГАРДЕРОБЩИЦА. Это Оструда.

ПАРХА. Ах, Оструда, до чего красивый город. А это больше как: на юг, на север или на восток? А то у меня совершенно вылетело из головы.

БАРМЕНША. Это смотря как посмотреть.

ПАРХА. Ага.

Действительно, смотря как посмотреть. Факт.

Понимаете, такая вот неприятная ситуация, мы здесь оказались случайно, не по своей вине, сами мы из Варшавы, заблудились, ну просто...

БАРМЕНША. Ага, дак и я с Варшавы. Халинка вона тоже. Мы тут все с Варшавы. А сюда на святки приехали. На санях покататься. Только-только вернулись.

ПАРХА. Ну, вот видите. Сани - это замечательно. Еду, еду в чистом поле, колокольчик динь-динь-динь... как сказал поэт, великий поэт.

Однако к делу, дорогие дамы, шутки шутками, а между тем со мной случился случай совершенно непонятный, не знаю, как и объяснить, как все произошло,

собственно говоря, это может показаться невероятным. Одним словом, по невыясненным причинам я оказался здесь, завтра мне к восьми на работу, но, к сожалению, у меня нет с собой телефона. А мне надо позвонить.

То есть, в общем и целом, ситуация такая: не знаю, как это доказать, но я не такой, каким кажусь. Я совсем другой, а это шутка, маскарад, ряженые, и, представляете, все это плохо кончилось, плохо. Я ведь актер, играю ксендза Гжегожа в сериале, вы, конечно, помните, ксендз Гжегож, вот-вот-вот, да, это я. Я еще вот что спросить хотел: сколько сейчас времени?

БАРМЕНША. Ой, вы знаете, у нас тут тоже маскарад. Она вот переодетая принцесса Диана, а я - Барбара Картленд. Двадцать два ноль-ноль, как показывают прилагаемые к делу часы.

ПАРХА. Двадцать два ноль-ноль. Исключено. Я не успею выспаться перед съемками. Мне нужно позвонить. Это, бля, какой-то дурдом. Джина, да сделай же что-нибудь, твою мать. Скажи им. Скажи им, кто я такой. Ты же знаешь.

ДЖИНА. Две порции бигоса, пожалуйста.

ПАРХА. НЕЕЕЕЕТ!

ГАРДЕРОБЩИЦА. Ве-е-сек!

ПАРХА. Не-ет, стоп, зачем нам тут Весек! Кто он вообще такой, этот Весек, ей-богу, вы, я вижу, совсем не понимаете, в какой я оказался ситуации, что мне ваш Весек, на что он мне сдался? Лююююди! Люди. Бога ради. Я - ксендз Гжегож. Помогите же человеку, мне же, бля, завтра к восьми на работу.

БАРМЕНША. Да ты чё, прям с восьми бутылки собираешь?

ДЖИНА. Вот такой мы, румыны, упрямый народ.

ПАРХА. Заткнись, я тебя умоляю, молчи и ничего не говори. Отвернись. Отвернись. Отвернись вон в тот угол. Ты ребенка в садике оставила, вот стань вон там и спокойно обдумай, может так мать поступать или она не мать. Она ребенка в

садике оставила. Три дня назад. Алименты просрала. Люля-кебабы себе покупает. Психопатка, воще, наркоманка.

БАРМЕНША. Как-как она сказала? Типа они румыны какие-то! Славненько.

ДЖИНА. Но моя мать точно его забрала, точно.

БАРМЕНША. Телефонная карта - пятнадцать злотых семьдесят грошей. Самая дешевая.

ПАРХА. Но у меня нет!

БАРМЕНША. Пятнадцать семьдесят.

ПАРХА. Женщина, но мне же только одно слово сказать! Мне ж только крикнуть: спасите, бля!

БАРМЕНША. Ве-е-слав!! Иди сюда! Тут у мужика проблемы.

ПАРХА. ДАЙТЕ МНЕ ПОЗВОНИТЬ! ОДИН ЗВОНОК! БЛЯ! ОДИН ЗВОНОК! ЭТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ГРОШЕЙ!

БАРМЕНША. Восемьдесят грошей оно да, но самая дешевая карта - пятнадцать семьдесят. Я не знаю, что вы за фрукт, ксендз не ксендз, Гжегож не Гжегож, а карта стоит столько-то и столько-то, и это деньги, и не будет мне тут первый попавшийся псих звонить, куда ему вздумается. Верно я говорю, да, Халинка? И тут пришел Весек.

ВЕСЕК. Какие проблемы?

БАРМЕНША. Знакомься. Это ксендз Гжегож. Со своей монашкой-женой. И ребеночком, типа мальчик, поющий в церковном хоре. Хи-хи.

ВЕСЕК. Так, какие проблемы?

ПАРХА. Здравствуйте, очень, очень приятно, понимаете ли, Веслав, тут такое дело, просто мне необходимо позвонить, и эти милые дамы, они мне разрешили, только вот хотят, чтобы я на всякий случай спросил еще у вас...

ВЕСЕК. Ты чё зяпу разинул?

ПАРХА. Я не разевал, я просто...

ВЕСЕК. Ты чё зяпу разинул?

БАРМЕНША. Слышь, этот проходимец нам тут целый час лапшу вешает, какой он крутой, столичный актер, а сам карту телефонную купить не может. Самую дешевую даже, жалко ему, видите ли, да наркоманы это какие-то. И морда лица вроде знакомая. Да это он у меня яйца из курятника ворует, попался, голубчик!

ПАРХА. Нет, вы не поняли, я... Я вас проклинаяю! Проклинаю! Проклятие, бля! Чтoб у вас микроволновка, бля, взорвалась, и всё вместе с ней.

Сцена 3

ПАРХА. Да тут хуже, чем в Румынии. Дурной сон о том, чего и во сне не увидишь.

Да это же просто поэзия. Я говорю стихами.

ДЖИНА. А, и еще насчет ребенка. Мать моя ведь наверняка забрала его из садика. Когда это было? Подожди... позавчера. В четверг. Я отвела его в садик. Это я точно помню, потому что он вопил как недорезанный, вот так: ыыыыыыыыыыы. Клянусь. Вот только забрала ли я его? Не знаешь? Я ничего не говорила на тему, что его забирала?

ПАРХА. Погоди, дай сосредоточиться, я теперь о другом думаю.

ДЖИНА. Ну так вспомни, говорила я что-нибудь?

ПАРХА. Не знаю, дорогая, в четверг мы еще не были знакомы.

ДЖИНА. Факт, это факт, вот именно, думаю, она должна была забрать, потому что всегда его забирает, когда я не могу, к примеру. Ты прав. Именно так и было. Именно так. Вот так стоял и выл. Ыыыы. Как ты думаешь? Да, так оно и было. Разве что она решила мне отомстить и его не забрала.

ПАРХА. А ключи от дома у него в случае чего есть?

ДЖИНА. Есть.

ПАРХА. Ну тогда он наверняка пошел домой.

ДЖИНА. Да? *(Пауза.)* Нет у него ключей, ему четыре года, идиот.

ПАРХА. Вот только не идиот, пардон, мадам, но мы не настолько близко знакомы. Хотя... может, ты и права: как я мог отдать первому встречному пять тысяч?! Нет, исключено, это исключено. Пять тысяч, ты представляешь, сколько это денег? Некоторые за такие бабки собственное говно бы съели, да на них можно участок купить, с домом, с забором, виллу в Белостоке.

ДЖИНА. Вообще-то я даже не уверена, что его туда отвела. Вполне возможно, что, может, он у матери остался. Очень даже не исключено. Играет себе в суперменов и строит кубики «Лего», он умеет себя занять.

ПАРХА. Все, хватит долдонить не в тему, кончай, у меня завтра в восемь утра съемки, и это теперь самое важное, что мы должны сделать.

ДЖИНА. Не буду я никуда звонить, отвали от меня, понял? И даже не уговаривай, не буду я ей звонить, чтобы она мне что сказала? Я сама могу это себе сказать. Она меня с говном смешает. Я вчера все алименты профукала. Она этого так не оставит. Посадит конверты клеить.

Сцена 4

Ночь, поле, Женщина 40-50 лет с размазанным макияжем останавливает машину, выходит, открывает багажник, вынимает бутылку водки, пьет и прячет ее обратно. В это время к машине бегут, теряя обувь, двое бедных румын и бросаются на капот.

ПАРХА (с умилением). Варшавские номера... Вы в Варшаву?

ЖЕНЩИНА. Ффшаву.

ПАРХА. О несравненная! Ты чудо природы, венец создання, я звал тебя, и ты пришла. Скажите, поклянитесь, что вы не плод моего воображения! Чудо. Чудеса бывают. До Варшавы отсюда сколько километров?

ЖЕНЩИНА. Ччѐ?

ПАРХА. До Варшавы сколько километров?

ЖЕНЩИНА. Ссо.

ПАРХА. Сто!! Сто!! Я знал. Сто километров - это ж вот столько, это ж если коту как следует ногой под зад наподдать, он запросто долетит. Мы спасены! Блаженны нищие духом! Госпожа профессор! Царица! Вы такая красивая. Мы едем с вами! Мы едем с вами! Как тут тепло! Как хорошо! Мы нормальные люди! Это мы только так выглядим. Пожалуйста. Мы будем вести себя культурно! Мы не будем пукать!

ЖЕНЩИНА. Пжлста. Вы мне псланы небом. Эт не моя мшина. Эт «вектра». Суда нажимаешь, суда нажимаешь и гтово.

ПАРХА. А моя спутница, в случае чего, тоже может поехать с нами?

ЖЕНЩИНА. Мне по барабану.

ПАРХА. Давай, Джина, садись, тебя, в случае чего, тоже берут, можешь ехать, я договорился. Я за тебя поручился. Она НЕ ВОНЯЕТ. Это только с виду она такая.

Едут.

Ну так как? Как жизнь молодая? Погода, однако, в этом году не ахти, зима выдалась неурожайная просто до ужаса...

Тишина.

ЖЕНЩИНА. Факт. Пгода. Двление. Супфер.

Тишина.

ПАРХА. А вы, я вижу, водите с размахом, честно говоря, просто лихо... А немножко прямее, ну, по одной линии, нельзя?

ЖЕНЩИНА. Эээ там... Просто, исли там ччё-то насречу бует ехать, вы мне сразу ччесно скажите. Я линзы сняла и куа-то суда плжила, но боле-мене ище вижу. Кое-ччё. Ну, так ччё? Вы куда еете? Ссуденты? Вы студенты, а где ущичись? Не боись, я не пяная, ниче не боись, я еду.

ПАРХА. Мы не студенты, мы говорящие по-польски румыны, лесбиянки, педики, евреи, работаем в рекламном агентстве, как я уже говорил, вы ж понимаете, о чем я, мы в Израиль едем, сажать деревья, и ни одна сволочь не подвезет даже на сантиметр, я ведь ксендз Гжегож из сериала, еду на съемки, к восьми, мне еще поспать надо, чтобы завтра быть в форме, душ принять.

ЖЕНЩИНА. А можжет у вас прва есть, у ково-то свас?

ПАРХА. Ну, честно говоря, не совсем. Разве что у нее, но вряд ли. Осторожно!.. Блин, бабища, ты как ведешь?

ЖЕНЩИНА. Ну, раз у вас нет, филя вы тода тут? Я дмала, есть и птому вы самной едете. Гвна кпна.

Нееее, нормалёк, не боись, едем как нада. Бог дал, Бог взял, нет проблем... Или я вас научу, вот тут ссыпление, тут коробка пердач и вперед. Или нет, сама буду вести... Это мшина, это тачка, это ссё в кредит... Нормалёк, ссё под котролем. Бля, я вам скажу. Я вам скажу, скажу вам. Вы такие щисливые, молодыее, эта мшина стоила куччу бабок, за такую куччу бабок ничё плохого быть не можжит.

ДЖИНА. Сорри, я стесняюсь спросить, а пожрать у вас случайно ничего не найдется?

ЖЕНЩИНА. Блин, Венгрия, Румыния, Турция, да, я зна, обалденно крсивая ссрана. Ссе говорят Румыния, срach, гавно, фекалии, ислам, дети жрут гавно прямо с тру.. с тро... зземли, эта, диктатура или ччё, люди камни едят, а ведь чудесная ссрана с виноградом и фруктами, и тризмом, я туда ездим с мужем на лыжи. Класс. Хорошо вам там, ктайся себе на лыжах, ни вещей, ни багажа, ни кредитов, ни денег, ктайся в свое удовольссие, свобонны от этого вечного пожрать, посрать и так без кнца, вы пнятия не имееете, какое это ссё дерьмо.

ДЖИНА. Знаете, иногда мы находим разные вещи в мусорке, народ выбрасывает теперь такие хорошие вещи, курицы прямо целые, сосиски. В мусорку. Я иногда, когда мусор выбрасываю, меня прямо подмывает, чтобы ну, это, понимаешь. Чтобы, когда мусор выбрасываю, мешок с мусором чтобы не спешить выбрасывать.

ЖЕНЩИНА. Ыясно, выбрасвают, мусрки - отличн вещи, я сма кда-то абжжур ншла, модерн, все вимание обращщща.

Тишина.

ДЖИНА. Вот и чудненько. А ссать хочется.

ЖЕНЩИНА. Ччё? А, мжешь пписать, где хошшш. Это мужа мшина, мне ссё ранно, даже пръятно. Аддю.

Пауза, Женщина ведет машину зигзагами, румынам становится страшно.

ПАРХА. Графиня, эй, эй, эй. Знаете, прекрасно едем, приятно с вами поболтать, но, слышь, может, возьми кофейку какого выпей, мы были б очень признательны, а?

ЖЕНЩИНА. Ччё? Ты мне, дрогуша, не указвай, ччё мне делать, взяла я вас исключительно птомушшо думала, у вас есть права. Вашши претензиии неумессы.

Продолжают ехать зигзагами.

ПАРХА. Потому что, однако, углерудовоз «Ибупром», который должен отвезти нас кое-куда, в том числе в Израиль, скоро отчалит... У меня завтра в восемь утра съемка, а вы этими зигзагами страшно удлиняете путь, а нам бы хотелось не столько даже остаться в живых, сколько просто... Моя спутница пару дней назад оставила ребенка в детском садике. Скорее всего он до сих пор там сидит и играет в кубики.

ДЖИНА. И на фи́га ты мне напомнил, козел? Чтобы я опять вспомнила??

ПАРХА. Сидит там один. Без спокойнойночималыши, без шапки, в несвежих трусах, просто трагедия. Мы мчимся его спасать. Если не вернемся, ей мать такую выволочку устроит, что ого-го.

ДЖИНА. Козел. Хрен сраный.

ЖЕНЩИНА. Да кака я прфессор, слыште, нее, я просая шенщина, мда, факт, я и сма чуссвую, што малость набрлась, и признаю, да, набрлась как ссиння, но тут ить нет никакого смысла выхдить, тут дикая польская природа, болота. Оот появится другой пиззаж, типа, бензоклонка, какие-то люди, тода выдете, а тут мне совесть не пзвляет вас высаить. *(Вынимает из-под ног бутылку, пьет и хочет пустить по кругу.)* Между перой и торой перерывчик небошой.

ПАРХА. Слышь, бабень, ты что, совсем? Какой перерывчик?! Это, бля, что такое, ты давай соберись, бля, потому что я сейчас за себя не ручаюсь, я, старый

румын, который много, бля, повидал на своем веку! Где мы вообще находимся? В Беловежской пуще? Остановись. Говорю тебе: остановись.

ЖЕНЩИНА (*останавливается так, что визжат колеса, вокруг лес и ни одного огонька, ни одного звука*). Пжлста. Извольте выти в лес. Останоффка по требванию. Надо было сразу скзать. Завтра или кода пришлите эсэмэс, как тут нащет грибов.

Ха-ха-ха-ха.

Едут дальше, Женщина пьет из горла.

Пждите мнутку, у меня ччё-то звнит. (*Достаёт мобильник.*) Ну. Нуу. Нууу. И типа ччё. И типа ччё. Неее, я не пьяная. Еду. С друзьями, есси хошь знать, как вас звут, эй вы?

ПАРХА. Ласло Шойом. А ее Регина. По фамилии Сальве.

ЖЕНЩИНА (*в телефон*). Регина и Шоймес, мои друзья. Не, я не спятила. Они ошнь симпатишные, открытые такие, классные млодые люди, не, нет, я не пьяная, с ччё ты взял? Жжешь меня уже третий час? Не, нет, я не пьяная. А кто это там сзади разгваривает сзади тебя? Никто? Это она? Ну, зачем же прятацца, просто деушка зашла поиграть на компютире, а ты часами разгвариваешь по тсифону, вот ей и скушшо, сиит там груссная и голая, ей холонно, скушшо и холонно, иди к ней, обогрей. Неее, нет, я не пьяная, ни грамма, ну раззи ччуть-ччуть, ну, оощем да. Не знаю я, где я, нет тут никаких этих, этихеток, чессо гворя. Зато есть поле, можно скаать даже лес, ссучя и черника, можт, это Норвегия? Я скоро буду, вы там по-быссренькому, и мне ччё-нибудь поессь ссарите. Типа обед. Пусь подгорит, и персолите его как следует. Чтоб подгорело. И было персолено. Ну, так, как я люблю. И если не разобюсь, то кода вернусь, буду, наерно, очень голонная. Покедова. Адю.

ПАРХА. Ты слышала, Джина? Мы скоро будем. Уже недалеко. Я успею на съемку. Дайте-ка телефончик, мне позвонить нужно.

ЖЕНЩИНА. Куа лапы суешь? Я звиняюсь за мужа. Он оччнь перживает, что я расхерачу ему эту машину. Ппрекрасно его поймаю. Любовница уже на месте, должн

был быть романтицкий вечер, она уроки сразу после школы сделала, памперс быссренько сменила и сразу пришла, понимаете, о чем речь, это настоящая любовь, она у него в мобиле Михал называется. А он ходит как бешеный от окна к окну с мягким концом, говорит ей: посиди пока тут, любимая, ногти себе постриги, ссори, и стоит у этого окна, обсераясь от страха, что ща приедет его «вектра», сперва одно колесо, потом второе, а капот я принесу в пакете.

Ха-ха-ха.

AAAAAAAAAAAAA!!!

Авария, машина в темноте во что-то врубается.

Женщина в крови лежит на подушке безопасности, румыны не пострадали, перед капотом лежит кабан.

ПАРХА (*возмущенно*). Ну вот что это такое? Что это такое?

ЖЕНЩИНА (*теряя сознание*). Еж.

ПАРХА. Еж... Еж! Я тебе сейчас покажу ежа.

Э, мадам, ээй, подъем. Твою мать, наша дама откинула копыта. Во она нас подставила, не, ну серьезно, в чистом поле, в глухомани, нет, это несерьезно.

ДЖИНА. Ну так окажи ей первую помощь.

ПАРХА. Я? Думаешь, это типа просто, раз, два. Мне некогда, я спешу. Ничего же ей, наверно, не сделается, да?

ДЖИНА. Ты уверен?

ПАРХА. Она жива? Жива. А это главное. Остальное приложится, справится как-нибудь, обаяния у нее, согласись, хоть отбавляй. И эти усики. Очень пикантно.

ДЖИНА. Может, ты и прав, это уже не имеет значения. Так что мы делаем?

ПАРХА. Ты ее телефон где-нибудь видишь? Я должен позвонить, что, наверное, все же опоздаю на съемку.

ДЖИНА. Кажется, гикнулся.

ПАРХА. Ты чё?! Это исключено.

Выбрасывает раздавленный телефон, шарит у Женщины в ногах, выуживает бутылку водки, жадно пьет.

Хочешь глоток? Немножко осталось. Мне до усрачки нельзя, мне завтра надо быть в форме.

Давай возьмем у нее хоть часы. Отличные у тебя часики, дорогуша, «сейко», брюлики сейчас в моде, не обижайся на меня, но я в отчаянии. Пятнадцать минут первого. Не может быть, она, наверно, не переставила на зимнее время. То есть сейчас около одиннадцати, то есть я еще, может быть, успею. *(Надевает часы, тянется к сумочке женщины.)* О, сумочка, может, у нее бабки есть, мне надо купить карту. На, лучше ты тут поройся, я морально брезгую, я в жизни ничего не украл. Ну, если не считать нескольких эпизодов в детском садике. Или нет, давай сюда, я погляжу, тебе нельзя доверять, ты психическая и наркоманка к тому же.

Жвачка - берем, потом поделимся. Противозачаточные таблетки - какая гадость! - хочешь?

ДЖИНА. Возьми себе от моего имени.

ПАРХА. Да ладно, бери, от них глюки классные.

ДЖИНА. Отвали, козел. Жри сам, твой генетический фонд надо категорически ограничить.

ПАРХА. Чего там, бери. Пригодится. Ладно, ладно, я пошутил, эта сука все равно половину слопала. Вот ведь, старая, пьяная бабища, а туда же, ну-ну. Какая гадость.

ДЖИНА. Слышь, ты, давай уже заткнись, идиот, долбоеб, а ну положил сумочку на место, а если она умерла и это труп, оставь сумочку трупа в покое...

ПАРХА. А что, может, она не трахается, может, она это от прыщей принимает? Да? Успокойся. Косметику, помаду, краски и тени для век, это я беру для тебя, однозначно. Тебе пригодится, уж поверь мне, ты не видишь, как выглядишь, а я вижу. Не хочешь, я кому-нибудь другому отдам. Подожди, может, у нее есть второй телефон. Кошелек! Тридцать злотых. ТРИДЦАТЬ ЗЛОТЫХ! Куча бабла! Попадется какая заправка, купим себе ПРОКЛАДКИ. (Женщине.) Ты, зараза. Все пропила. Ну, погоди.

Сцена 5

Ломка. Они выходят из машины и бредут куда глаза глядят в темноту.

ПАРХА. Ни отца, ни матери, наконец мы одни в полном значении этого слова. Нет, я с ума сойду. Пьяная баба нас везет, врезается в кабана, это ведь в натуре кабан был, прямо из лесу. Мог на нас напасть. Нет, какие же все-таки люди безответственные, она ведь могла нас убить. Кошмар какой-то, эти люди. Мне необходимо позвонить, не то будет жуткий скандал.

ДЖИНА. Заткнись же ты наконец, заткнись наконец, заткнись. Об одном прошу.

ПАРХА. Ладно, ладно, сама заткнись. Я тебя ненавижу. Я всегда ненавижу девушек, с которыми переспал без любви, это гадость, гадость, секс без любви - порнуха, вставил-вынул.

ДЖИНА. Чё? Чё ты сказал? Я с тобой не трахалась, я уже говорила. Не трахалась.

ПАРХА. А с какой стати я должен тебе поверить, ну с какой, какие у меня основания? Детка, у тебя ведь полная амнезия, насколько я понимаю, ты то помнишь, то не помнишь, Бог дал, Бог взял, откуда тебе знать, переспала ты со мной

или нет, если я сам этого не знаю, умоляю, не смей меня. Я подозреваю, что мы переспали, потому что у меня ломка и, скорее всего, именно из-за этого, именно из-за этого, я по ломке чувствую. Ненавижу механический, производственный, чисто физиологический секс с чужими бабами, которые не вызывают во мне даже презрения, только чудовищную, бездонную пустоту, чужое тело рядом, которое с таким же успехом могло быть тушей животного, чужое тело без лица, раз-два, раз-два, и когда потом все уже кончено, лежишь себе. Лежишь. Дышишь. Твое дыхание как мчащиеся мимо машины, как воющие сирены, как сгущающиеся тени. Все это просто смешно. Слюна и сперма высыхают как дождь. Это же соки любви, соки любви. Слюна! Сперма! Белок куриного яйца! И вода с крахмалом!

ДЖИНА. Я с тобой не трахалась, точно не трахалась, точно, я тебе говорила, это исключено.

ПАРХА. Вот то-то и оно, что да! Ты воспользовалась моим состоянием и беззащитностью!

Идут молча.

(Не выдерживает.) Хорошая из тебя мать, нечего сказать. Ребенка оставила недолго думая, вообще молчи, я себе даже представить не могу, блин, ребенок один в саду день и ночь, даже уборщицы уже ушли, сторож ушел, а он там сидит в луже мочи и вжикает машинками, ну а что ему делать, что ему, блин, еще делать, ну что. Все игрушки над ним смеются. Окей, окей. Спокуха, если меня заносит, ты мне просто скажи.

Пауза, они идут, машин нет.

Сорри, я не могу так, молча. А то уснем. И замерзнем. Мне холодно. Я сейчас рехнусь от холода. И как они когда-то в этих лесах могли выдержать.

ДЖИНА. Возьми ляг.

ПАРХА. Очень смешно. Ооо-очень смешно.

ДЖИНА. А мне типа не холодно, да? Холодно как у черта в жопе.

ПАРХА. И что, хочешь, чтобы я отдал тебе свою куртку? Не дождешься. Хотя вполне вероятно, что за каких-то пятнадцать минут я заслужил бы себе вечную жизнь. Ты могла бы выступить свидетелем, когда меня будут причислять к лику святых.

Пауза.

Думаешь, мы помрем? Сейчас? Вот так сразу?

ДЖИНА. Да.

Пауза.

ПАРХА. Какая безнадега, как низко я пал.

А ведь что-то мне подсказывало: завяжи с колесами, кончай жрать эту гадость, вам, наркоманам, по фигу, для вас это трудовые будни, а нормальному человеку и вправду очень вредно. И вот, пожалуйста, кто-то мне говорит: классная тусовка с маскарадом под лозунгом «грязь, вонь и триппер», Зоська тебя приглашает, записывай адрес. Я переодеваюсь, стараюсь, зубы себе фломастером изукрасил, шмотки какие-то вонючие нашел, таксист отказался меня везти. Прихожу. Знакомлюсь с телкой, не будем показывать пальцем, но это была ТЫ, милый вечер, дискотека, меня угостили чем-то новеньким, и вдруг, бля, откуда-то выскакивает эта Румыния! Я румын! Куда-то еду! Раздаю деньги! Я, почтенный ксендз Гжегож, духовное лицо. Это ты меня подначила. На фигу ты мне напомнила! Я теперь только зря разнервничался и все вспомнил. Опоздать на съемки - да. Умереть - да. Но не так же. Это какая-то паранойя.

Честно говоря, все-таки подсознательно я опасаюсь, что не достоин вечной жизни. То есть Бог, конечно, знает, что теоретически я был - лучше или хуже, - но хороший, и в этом смысле я в порядке, но ведь обязательно выскочат церковники со своими догмами, исповедями, причастиями и постами и меня уделают. Меня, ксендза Гжегожа, уделают.

ДЖИНА. Господи, ты существуешь: я вижу какой-то свет.

ПАРХА. Не может быть. Это невозможно.

ДЖИНА. Кажется, это какой-то дом.

ПАРХА. Дом! Мы спасены! Тепло! Чай, не говоря уже про еду! Чистая постель!
Я позвоню на студию, что немножко опоздаю, но точно приеду.

ДЕЙСТВИЕ 3

Сцена 1

Парха и Джина стоят в чистом поле перед дверью неогороженного дома и стучат в нее что есть мочи.

ПАРХА. Помогите! Спасите! Алле! Спасите! Открывайте, вашу мать!

Наконец внутри начинают раздаваться звуки, там открывают разные замки, задвижки, защелки, все новые и новые, и из дверей высовывается голова заросшего Деда.

ДЕД. Это вы?

ПАРХА. Да, это мы. Собственной персоной.

ДЕД. Вы одни?

ПАРХА. Конечно, одни.

ДЕД (*снимает цепочку*). Вы уверены?

ДЖИНА. Да, это мы.

ДЕД. Заходите, только быстро.

Дом Деда, который собирает мусор: везде набросано, две ванны, обувь, весь мусор мира вдоль стен, работающий телевизор.

(Присматривается к ним.) Ксендз Гжегож? Он самый!

ПАРХА. Да, это я, я тот актер, именно...

ДЕД. Что за гости - незванные-негаданные. Ночью, поздней ночью порой! Ксендз Гжегож! Дождался-таки, дождался я, ксендз меня навестил-проведал. Для меня это честь-большая радость. А эта женщина-девушка, она кто?

ПАРХА. Приятельница-знакомая.

ДЕД. Анжелика?

ПАРХА. Да, бывшая проститутка, наркоманка, ты понимаешь, сын мой. Я ее пригрел-приголубил.

ДЕД. А сутана где?

ПАРХА. Какая сутана?

ДЕД. Холодно-зябко в сутане-то, да? По яйцам дует. Вот ты в цивильном и пришел.

ПАРХА. Хватит уже, дедушка. А то меня в краску бросило. Найдется у вас что-нибудь пожевать? Попить чего-нибудь горяченького? Одубел я совсем, дед. И моя спутница тоже.

ДЕД. А вот как раз и нету, как раз и нету, я-то считал-рассчитывал, что наоборот, что это ксендз мне поможет, поесть принесет. Я ведь выйти не могу.

ПАРХА. Как это? Почему?

ДЕД. Лучше и не спрашивайте, ни к чему вам это знать-ведать. Я только за порог, а они приходят-приходят. Я себе иду-шагаю и слышу шур-шур, явились, открывают замки и трогают, трогают. Приходят и трогают. Вот так вот. Не могу я выйти, сразу возвращаться приходится.

ПАРХА. Телефон у вас есть?

ДЕД. Куды там! Был. Но они звонили. *(Залазит на кровать.)* Вот следы. Вот тут трогают. Вот тут. Вон они, следы, где трогали. Приходят-приходят и трогают. Не могу ни на минуту-секунду выйти, ни на минуту, сразу приходят. И трогают.

ПАРХА. Сууу-упер.

ДЖИНА. Можно, мы у вас переночуем? Мы с ног-с копыт от усталости валимся. Пешком из Казахстана-Узбекистана пришли. Нам только переночевать, и больше мы вам голову морочить не будем.

ДЕД. Переспать-переночевать. Кажется-мерещится... Ксендзу Гжегожу завсегда рады. Но будьте осторожны. Они не спят. Будьте осторожны. Ну, разве что, как заметят-приметят, что это ты, ксендз Гжегож, то и присмирят.

Сцена 2

Парха и Джина лежат на кровати, накрывшись тряпьем, смотрят на часы, жуют жвачку в вызывающей клаустрофобию, заваленной хламом комнатухе, где за стеной булькает туалет. Джина вертит в руках какую-то веревку.

ПАРХА. Ну? Ну? Ну?

Ты таки добилась своего. Вот она, твоя тусовка, твой маскарад под лозунгом «нищета, крысы и болезни», а я потерял пять штук и работу. Веселись, народ! Может, сыграем в города?

ДЖИНА. В города.

ПАРХА. Не повторяй за мной. Я не успею на съемки, я сильно в этом сомневаюсь. Они там будут ждать, будут звонить, будет скандал, с работы меня погонят, это точно, и возьмут какого-нибудь дебила, а зрителям сообщат, что ксендзу Гжегожу после пожара сделали пластическую операцию и теперь он выглядит совершенно иначе! Кошмар! Мне пиздец!

ДЖИНА. Просто пиздец.

ПАРХА. Где моя мобила? Где я ее оставил? Может, это ты ее слямзила? Нет. Подумай лучше о своем ребенке. Оставить ребенка в детском саду - это большое моральное достижение. Лучше бы ты его вообще не рожала. Как его зовут-то? Мальчик, да?

Тишина.

Ну, не молчи, а то я засну. А ночью придет дедуля с ломом и подумает, что мы явились к нему все трогать, и нас замочит. Я не буду спать, буду сторожить, но вот вопрос: почему это я должен не спать, а не ты? Почему я должен за все быть в ответе? Кто ты вообще такая? В смысле по профессии? Где работаешь?

ДЖИНА. Я - художественная натура.

ПАРХА. Ооо-оо. Я как чувствовал. Ну, а еще что делаешь? Конкретно?

ДЖИНА. Да так.

То да се.

ПАРХА. Вот именно.

ДЖИНА. Счета какие-то выписывала...

ПАРХА. Я непременно должен позвонить своей агентше, иначе мне несдобровать.

ДЖИНА. Мать меня устроила. Но я приходила туда с бодуна, циферки у меня в глазах троились, труба, какие-то столбики, рядки, колонки, вокруг сидели какие-то тетки в говенных блузках, вязали крючком и под меня подкапывались. Я на сто процентов уверена, что после работы они оставались и делали себе флюорографию на ксероксе, а потом рассматривали свои сиськи.

Ага. Еще я работала летом в киоске. Жарила колбаски, картошку, представь себе, один квадратный метр, я и сто пятьдесят литров кипящего прогорклого подсолнечного масла, как сыр в масле, можно сказать, ха-ха, каталась. Но всегда умудрялась как-то схимичить, на каких-нибудь десять злотых, ДЕСЯТЬ ЗЛОТЫХ, и вечером отправлялась в бар, вся из себя гордая, выпить пива, и сидела там с красной, как вяленое мясо, мордой, а масло капало у меня с волос на стол, а моя мать говорила: ну, наконец, наконец-то, наконец хоть что-то, наконец.

ПАРХА. Да, хреново. Ты должна за себя взяться, найти какое-нибудь занятие. Разве что у тебя на самом деле нет никаких талантов.

ДЖИНА. Вот так я и живу, выйду из дому и хожу, понимаешь, да, хожу куда ни попадя, тусуюсь, в основном трахаюсь с разными козлами типа тебя, хотя мне совсем не хочется, просто иду с ними, потому что хочу просто спокойно поспать, чтоб никто не драл глотку прямо над ухом, когда я проснусь с бодуна, а мы, знаешь, живем в однокомнатной квартире, семнадцать метров, когда тебе прямо в ухо кто-нибудь саданет чайником или кастрюлей по плите, с бодуна это не шутки, ты умираешь, а ребенок тебе в кровать припрет игрушечное пианино и давай наяривать «в траве сидел кузнечик», «сорока-белобока кашку варила», а они думают, я с ними пошла, потому что мечтаю трахнуться в семнадцати позах, типа секс моей жизни, и хоть ты тресни, даже если у них висит и трепещет на ветру, им надо хоть раз вставить и вынуть, иначе нет, нет, нет, не считается. А утром одно и то же: о господи, где твоя одежда, ты, наверно, очень спешишь, я ведь тоже опаздываю, ты что, все еще пьешь чай? Ладно. Если хочешь, я дам тебе с собой термос!

Ха-ха-ха. Ха-ха-ха. А я уже в трамвае, уже еду, тук-тук, тук-тук. Карабкаюсь по лестнице, открываю дверь. Ты где была?! Посмотри! Ты что творишь? Это твой ребенок!

Мама-мама! А у Коперника кто отец?

Ты лучше скажи мне, кто его отец, его, ну???

Бог, а кто же еще?

Он целый день играл в супермена! А потом обоссался. Извини, но я включаю пылесос.

Мама, сорока-белобока кашку варила!!! Сорока-белобока кашку варила!!!
Этому дала, этому дала, а этому ничего не дала!! И фрррр... улетела. Мама! Мама!

А, эта, тоже блядища еще та, я читала.

Нет, ты лучше послушай, как он научился играть гимн на пианино! Нет, ты послушай! Все куплеты! И шиворот-навыворот! Иди, принеси свое пианино и сыграй маме. Не там, дурачок.

А ты, ну что у тебя за вид? У тебя что, дома нет? На помойке ночевала?

ПАРХА. Ууу, солнышко, тут я тебе уже ничем не могу помочь. Нехорошо, что ты так себя ведешь, очень даже плохо, надо с этим кончать, надо найти себе порядочного парня, который не будет относиться к тебе как к шлюхе. А ты на СПИД проверялась? Надо бы. Нет, серьезно, найди себе парня, который тебя полюбит, а даже если и нет, то нельзя же совсем уж махнуть на себя рукой. Может, это у тебя какой-то подсознательный комплекс, который возник из-за плохих отношений с отцом.

ДЖИНА. Бог нам отец.

ПАРХА. Вот лично я...

ДЖИНА. Слышь, одолжи пятьсот злотых, а?

ПАРХА. Я??? Тебе???

ДЖИНА. У меня очень некрасивый ребенок. На какую женщину ни погляди, у всех нормальные дети, почему у меня нет нормального ребенка, почему мой такой страшненький?

ПАРХА. Я ненавижу случайный секс с бабами, для которых я - ксендз Гжегож, и им кажется, что, переспав со мной, они оправдывают свое существование, как же, я переспала с ксендзом Гжегожем, это вам не хухры-мухры, тра-ля-ля, девчонки, я переспала с ксендзом Гжегожем, это было нечто, я думала, ошалеею.

ДЖИНА. Я не могу туда вернуться. Она меня заживо сожрет.

ПАРХА. Ненавижу, а хуже всего, что они всегда придумывают разные штучки, чтоб затянуть меня в постель, пошли, у нас классные альбомы, у нас классные коллекции филателистических марок, у нас разные чаи с вкусовыми добавками, ну, пошли, эта полочка из ИКЕИ, а здесь у нас то, а здесь это, КЛАССНО?

ДЖИНА. Писать хочу.

Идет в туалет.

ПАРХА. Здесь у нас то, а здесь это, а тут сиськи, ты не обращай внимания. Это тут, это там, а это наши колготки, мы их вон туда закинем, вот так, а ты, когда играешь этого или того, тебе кого больше нравится играть, я все думаю: кого, интересно, а вот тут, видишь, шрам, ужасный, просто ужасный шрам, и ничего ведь не поделаешь. Ну вот, ты пока погляди, здесь то, а там это, а я пойду приму душ. Ну все, я уже искупалась, и как, классно, правда? Ну, и что теперь? Прямо в одежде заснул, ты что, рехнулся? Пошли, покажу тебе, где будешь спать, если честно, я тоже тут буду спать, с тобой, не веришь? Смотри. Я и ты, ты и я, и я, и ксендз Гжегож, знаешь, это чистая случайность, что я сейчас работаю простой официанткой в кафетерии «Кофе», простой продавщицей газет в киоске около университета, это же абсурд, что я просто обыкновенная, на самом-то деле я вовсе не такая уж обыкновенная, а даже наоборот, раз ты тут и я с тобой знакома.

А я лежу как потасканная шлюха на развалинах своей жизни.

Думаю, выключил ли я утюг.

Думаю, на каком трамвае можно отсюда уехать.

Что за долбаная Румыния вокруг. Что за одиночество.

О, ты уже кончил, это даже к лучшему, я ужасно довольна и вообще. Теперь спать. О, я уже проснулась, ты уже уходишь? Но куда? Сейчас придут девчонки на тебя поглядеть! Они говорят, что мы ужасно, ужасно подходим друг дружке! И что такая девушка, как я!.. И говорят, что если ты с таким, то!..

А я еду, еду на трамвае. Без отца. Без матери. Наконец совершенно один-одинешек.

А теперь еще, бля, меня выгнали с работы, нет, бля, выгонят через три часа. Все, я никто и звать меня никак. Мне пиздец.

В очередном приступе эйфории подходит к дверям туалета.

Джина! Джина? Эй.

Я понял, в чем твоя проблема по жизни, вот только что вдруг понял, это ужасно просто.

ДЖИНА (*пытается завязать петлю на шее*). Чего?

ПАРХА. Только не обижайся. В твоей жизни нет любви! Это же элементарно! Просто тебя никто не любит! Никто тебя не любит, и потому ты такая несчастная, потому ты трахаешься со всеми подряд без любви, а это ничего тебе не дает, только пустоту. Самое главное в жизни - любовь, кто-то, кто не скажет тебе с утра: катись-ка ты... Джина? Тебя спасет любовь.

Эй, эй-эй, чего ты там делаешь?

Моешься? А зачем?

Выходи, я не хочу здесь сидеть один, я боюсь. Сама ушла в туалет, а меня оставила одного.

Я за тобой не подсматриваю.

Зачем ты моешься?

Я с тобой трахаться все равно не собираюсь, можешь хоть кипятком стерилизоваться.

Джина, эй!

Я пошутил, идиотка.

Блядь, открыла дверь, я сказал.

Открой дверь!

Дергает за ручку, открывает дверь.

Внутри висит повесившаяся Джина.

Ну, и что ты сделала?! Зачем ты это сделала?!

Нет, ну как так можно?! Это что за дела? Это что за дела? А ну слезай быстро.

АААА!

ДЖИНА. Ну, повесилась я, повесилась.

ПАРХА. Ну и виси на хер, я отсюда сваливаю.

ДЖИНА. Ты не можешь, бля, оставить меня здесь одну.

ПАРХА. Даже не проси, я сваливаю.

А что дальше? Вот я и пишу, что там было дальше: Парха выбегает, а Джина перерезает веревку перочинным ножиком и бежит за ним, по дороге они отталкивают перепуганного дедульку в кальсонах: благослави вас Бог, а мы спешим на свой паром!

По снегу подплывает углерудовоз «Ибупром», они вбегают на палубу, где их радостно приветствует румынский экипаж и пассажиры: наконец-то, наконец! Они раздают рекламные проспекты и фантики от конфет, а все целуют им руки. Грандиозный бал выпускников курсов социальной опеки. Участники едят кору и землю, в руках у них старые сдувшиеся воздушные шарик, все поют душещипательные румынские песни. Официант говорит Пархе: господин Булат, для нас это большая честь. Специально для вас и вашей жены мы приготовили один целый сладкий перец с начинкой из колбасных обрезков! Не угодно ли отведать?

ПАРХА. Конечно, но сначала мне надо помыть руки, я с дороги.

Входит в туалет. А там висит Джина.

Давайте поиграем в «отбросы общества»

Первый роман Дороты Масловской «Польско-русская война под бело-красным флагом» (2002), ставший для дебютантки пропуском в большую литературу, уже известен читателям «ИЛ» (2005, № 2). В Польше коммерческий успех этой книги сопровождался бурными спорами о ее художественных достоинствах: одни считали Масловскую «чистым гением», сумевшим воссоздать современный мир в адекватной языковой форме, других возмущало обилие вульгаризмов и рыхлый сюжет.

Успех, свалившийся на свежее испеченную выпускницу средней школы (роман она написала в 19 лет), был невероятный - таких дебютов история польской литературы еще не знала. Молодая писательница мгновенно стала объектом патологического интереса СМИ, искренне обеспокоившихся психическим здоровьем девочки, которой нежданно-негаданная слава явно собиралась покалечить жизнь, и принявших пристально высматривать, выпытывать (и всячески провоцировать) у юного создания симптомы звездной болезни. Юное создание, благополучно потусовавшись в богемном варшавском мирке, нанесло хук левой своему новому миру, описав в ритме хип-хопа специфику медийного сообщества в своей второй книге под двусмысленно-тошнотворным заглавием «Павлин королевы» (2005). «Павлин» в польском языке - не только экзотическая птица, но и эвфемизм для не менее живописного, чем павлиний хвост, извергаемого на свет божий содержимого желудка. Острая сатира была не только по узкому кругу «артистов-вокалистов» и раскручивающих их масс-медиа, но и по миру фальшивых ценностей, который создают специалисты от маркетинга, по всему этому «дерьму на радужной тарелочке» - как, рубанув с плеча, заклемила его Масловская. Повесть вновь поделила читателей и критиков: одни считали, что это дешевый мыльный пузырь, другие признали шедевром. «Павлин королевы» получил главную литературную награду страны, «польскую Нобелевку» - премию «Нике». Обе книжки попали в списки бестселлеров, было продано более 130 тысяч экземпляров.

Строптивной прозой строптивной писательницы почти сразу заинтересовался театр. Оба романа были перенесены на сцену, и спектакли (три «Павлина», две «Войны») с переменным, впрочем, успехом шли в польских театрах. После нескольких неудачных опытов театр, кажется, все же подобрал ключи к крайне несценическим на первый взгляд произведениям: отчуждение и отстранение позволяли актерам выходить из ролей и возвращаться обратно, обращаться к зрителям и вновь воплощаться в персонажей, а прежде всего позволяли сохранить обаяние и юмор «грамматико-стилистических искажений», свойственных языку Масловской. Наконец один из ведущих польских режиссеров, директор театра «Розмаитости» Гжегож Яжина не столько заказал, сколько выпросил, выбил из не признающей никаких социальных и медийных заказов Масловской пьесу, перевод которой представлен в этом номере «ИЛ».

Хронотоп дороги в «Двух бедных румынах, говорящих по-польски» является основным принципом построения сюжета, поэтому структура пьесы сразу же вызывает ассоциации с классическим жанром «романа большой дороги» или,

скорее, с «фильмом дороги», когда путешествие в пространстве становится дорогой к себе. В произведениях такого рода неизбежная составляющая - панорама общественной жизни, и Масловская тоже дает «обозрение эпохи», парад ее пороков, ее типов. Золотая варшавская молодежь, для развлечения решившая опуститься на дно общества, не прочь поглумиться над румынскими цыганами-попрошайками, которых в Польше называют просто румынами. Главные герои пьесы, переодевшись в вонючие тряпки и разрисовав зубы черным фломастером, под влиянием какого-то неопределенного импульса отправляются в безумное путешествие автостопом, поменяв сцену модной тусовки на реальные просторы своей родины. Притчевым фоном их путешествия невольно становится библейский мотив святого семейства, ищущего пристанища. Никто, кроме вусмерть пьяной Женщины, не хочет подвезти бедную беременную «румынку» и ее партнера, и им приходится применять силу и хитрость. Но Джина беременна понарошку, поэтому христианские аллюзии осложняются ироничными кавычками, столь характерными для всего творчества Масловской. Так же как и в «Польско-русской войне...», Масловская выворачивает наизнанку ксенофобское сознание: свой комплекс неполноценности герои пытаются компенсировать с помощью стереотипов румына, цыгана, кацапа, гея, еврея, лесбиянки, т. е. кого-то низшего - по их представлениям. Мчась в пьяном угаре на другой конец Польши, они бегут от самих себя, от скуки и безнадежности собственной жизни.

В пьесе, с одной стороны, противопоставлены, а с другой - сливаются воедино два типа современных литературных героев: люди успеха, страдающие от пресыщения, и исключенные из общества парии, элементарно страдающие от голода. И если по социальной лестнице главным персонажам было куда спускаться, то духовное путешествие оказывается довольно коротким. Маскарадные маски «бедных румын» слетают с лиц, перед нами предстают «настоящие поляки». Она - мать-одиночка без постоянной работы, которая, успешно перевоплотившись в Джину, вдруг узнаёт в нищей румынке себя. Когда в придорожном баре «бедный Парха» пытается вернуть себе лицо «актера, играющего ксендза», Джина по-прежнему играет румынку - ей не во что превратиться. Они стали румынами на минутку, но время и пространство вышли из-под контроля - от застрявшей в собственном сознании «Румынии» отделаться оказалось не так-то легко. Парха снимает маску румына, но под ней оказывается маска ксендза, а под ней уже как бы и ничего.

Оба героя - социальные выкидыши, возможно, поэтому они так удачно сыграли роли румынских попрошайек. Картину их низового сознания воссоздает язык, сотканный из штампов поп-культуры, телевизионного жаргона и молодежного сленга. Язык - это ведь тоже костюм, маска, но засевшая глубоко внутри, и от нее практически невозможно избавиться. Эпическая драма предполагает пробуждение интереса зрителя не к исходу действия, а к ходу его, и именно язык, смешной, убогий, изуродованный, обнажает суть среднестатистического сознания, сформировавшегося под влиянием телевидения, костела и традиционной модели католической польской семьи. В пьесе, в отличие от романов Масловской, уже нет прежнего фейерверка правдоподобных, но, в сущности, фантастических синтаксических конструкций. «Язык мне пришлось сильно обуздать, свести к реальности», - признается писательница.

Драматическим дебютом Масловской заинтересовались западные театры (пьеса уже переведена на английский и немецкий языки). Нью-Йоркская публика весьма эмоционально реагировала на чтение «Бедных румын» в рамках литературного фестиваля PEN World Voices, организованного в апреле 2007 года по инициативе Салмана Рушди. Люди возмущались: да как можно в XXI веке оперировать такими ужасными стереотипами! - однако спектакль по этой пьесе готовит Soho Repertory Theatre в Нью-Йорке. Работа над постановками полным ходом идет в Лондоне и в Германии (последний, еще не готовый спектакль уже включен в программу венского фестиваля Wiener Festwochen).

Надо полагать, что режиссеры оценят несомненные достоинства этой драмы переодевания и узнавания - возможность метаморфозы, основанной на конфликте лица и маски, костюма и беззащитного тела под ним, роли и правды, зыбкость реальности, размытость границ. «Мне бы вообще не хотелось, чтобы эта история воспринималась в категориях 'вот ты какая, Польша', - говорит Масловская. - Пьеса действительно довольно мрачная, но я бы хотела, чтобы эта ее жесткость, мрачность была разбавлена сказочностью: мол, все очень плохо, но приплывает паром 'Ибупром' - и все берется в кавычки». Не столь важны сценические события, сколько способ их передачи. Неустанное балансирование на грани реальности и иллюзии, ирония как единственный способ избежать пафоса, кавычки, дающие возможность «провозглашать истины» без дрожи в голосе, неврозозов и фобий. Здесь все напоминает сон, только вот проснуться не удастся, а мир вокруг - как современный пьяный корабль, ведь неслучайно цель путешествия героев - паром

«Ибупром». Именно ироничные кавычки допускают двойной финал, два не(!)альтернативных конца, которые - хотя повесится Джина в обоих - отрицают один другой, отрицают правдоподобие и трагизм этого самоубийства, отрицают смертельную серьезность происходящего. В этой пьесе повесить человека один раз - мало, потому что здесь ничто не случается на самом деле, даже смерть.